

Вопрос жизни и смерти

Яреци Фернандез

До подъема оставалось каких-то полтора часа, а к корпусу мастеров подошёл человек. Поступь была тихая и слегка неуверенная. Человек до последнего не знал, правильно ли поступает. Скорее всего это неправильно, так как нормальные люди не будут приходить ночью, когда все спят, чтобы что-то требовать. Но у этого человека, который стоял в нерешительности, не зная что делать дальше, такое поведение было вызвано не прихотью, а следствием очень большого недоразумения, случившегося в приемной комиссии института.

Она пока еще не знала, все-таки жизнь она еще короткую прожила, но догадывалась, что люди могут быть необязательными и непостоянными. Вот с таким человеком её связала судьба.

Пару дней назад она ездила в Лхасу. Посмотрела свою почту и увидела письмо из приемной комиссии, что ей необходимо приехать для сдачи экзамена именно в тот день, когда у нее прилетал самолет. И всё было бы терпимо, если бы самолёт прилетал рано утром, чтобы можно было успеть через все эти таможни и паспортные контроли куда-то успеть. Последний раз, неделю назад, она просматривала почту, и никакого письма не было. А вот сейчас она поняла, что надо срочно улетать. Иначе она не сдаст экзамен и не поступит в институт. Она пыталась им объяснить, что не может вот прямо сейчас приехать, но получила стандартный ответ "меня это не волнует".

Она купила билет на самолет, вылет был назначен на одиннадцать часов утра семнадцатого числа. То есть завтра. И тогда она успеет на экзамен. Ей всё-таки сделали поблажку и назначили время на пять часов вечера. Всё-таки деньги ещё что-то имеют в этом мире, папа же заплатил за первый семестр. И всё бы окончилось прекрасно, если бы не второе неприятное обстоятельство: ей нужно было принести свои работы, чтобы в институте поняли её уровень. Работы на разные темы, но обязательно должна быть портретная живопись. Все рисунки девушка оставила в своей комнате в монастыре, но это можно было нарисовать в самолёте. А вот с портретом возникли трудности. Она и без того не умела хорошо рисовать, чтобы писать чей-то портрет по памяти. Да и кого она может написать? Только мистера Мотидзуки, больше никого. Его образ прочно засел в памяти, но, к сожалению, даже он был не такой реальный, чтобы просто отразить его на листе бумаги. А ей хотелось, чтобы портрет был нарисован с душой. Тогда, возможно, если им не понравится что-то из её работ, они все равно примут её.

Пришлось возвращаться в монастырь. Поздно ночью она вернулась в комнату и легла на циновку. Соседка спала, и девушка решила немного вздремнуть, но мысль, что она может проспать, так и не дала ей хоть немного отдохнуть. Поэтому она взяла папку с рисунками и томик Пушкина, и покинула комнату. В пять утра человек ещё спит, и хоть как-то помочь ему проснуться может кофе. Она из Лхасы притащила пакетик молотого кофе, и сейчас направлялась в столовую, чтобы сварить этот ароматный и бодрящий напиток. Сердце бешено колотилось в груди

из-за страха быть пойманной, ведь она нарушала все мыслимые и немыслимые правила, но, кажется, высшие силы были сейчас на её стороне, и никто не увидел тонкий дым из трубы и запах кофе, разлетевшийся по помещению. Турки не было, поэтому она сварила кофе в кастрюле, потом её помыла, убрала на место и, налив кофе в бумажный стаканчик, привезённый тоже из Лхасы, направилась к корпусу мастеров.

... Глубоко вздохнув и сделав безуспешные попытки успокоить бешено бьющееся сердце, она поднялась по ступенькам и направилась к комнате. Сглотнула и немного робко и тихо, но настойчиво, постучала в дверь.

- Мистер Мотидзуки, простите меня, если я вас разбудила, но мне очень нужна ваша помощь, - тихо сказала она, вздрогнув и слегка побледнев, потому что ей показалось, что голос прозвучал очень громко, и сейчас все проснутся. Сердце снова бешено забилося в груди от страха, ладони вспотели, на лбу выступил пот.

Тору Мотидзуки

Вопреки расхожему представлению, не все мастера боевых искусств испытывали восторг от ранних пробуждений. Так, Тору никогда не отказывал себе в возможности подремать на час дольше, чем это предполагалось изначальным распорядком дня. А уж необходимость просыпаться даже раньше назначенного срока, причем в ту фазу, когда сон особенно глубок, и вовсе приводила японца в состояние близкое к озверению.

В первый момент после того, как стук в дверь вырвал его из объятий Морфея, Тору даже не смог сообразить, что происходит. Но тут к стуку добавился знакомый голос, судя по звучанию которого, с его обладательницей случилось что-то нехорошее, заставившее ее обратиться за помощью в столь ранний час. И его японец уж точно не мог проигнорировать.

Слетев со спального места, Тору быстро натянул на себя штаны, не став разыскивать футболку, считая, что вряд ли сможет кого-то напугать голым торсом, и направился к двери.

- Ярецы, что-то случилось? – Мотидзуки широко раскрыл дверь, пропуская девушку в свою комнату. – Как ты видишь, я помят, растрепан и не сильно одет. Поэтому, надеюсь, произошло что-то серьезное.

Девушка выглядела взволнованной и почему-то держала в руке стаканчик с кофе. Все это пахло откровенным сюрреализмом, так что Тору, так до конца не проснувшийся, решил пока ничего не делать и послушать, с чем пришла его неожиданная гостья.

Ярецы Фернандес

Если ее никто не испепелит, не четвертует, не пристрелит, то это будет замечательным знаком. Значит, она сможет поехать домой и поступить в институт. И если насчет возвращения домой она не сомневалась, то с поступлением в институт возникли сомнения. Что, если им не понравятся ее работы? Что если она в действительности не имеет никаких талантов? И вообще эти рисунки - лишь рисунки

ребенка? Она ведь никогда не думала, что умение рисовать может стать если не смыслом, то хотя бы целью ее жизни.

Эти мысли ее посещали уже достаточное время, и с каждым прожитым часом, приближающим ее ко встрече с экзаменаторами, в груди возникало какое-то давящее чувство. Оно не позволяло ей спать - стоило ей только закрыть глаза, как мысли начинали хаотично скакать по сознанию, их нельзя было успокоить, и она просыпалась. Если приходилось забыться коротким беспокойным сном, то она вскакивала в холодном поту и дрожью в теле. Она пыталась что-нибудь поесть, но любая еда вызывала отвращение. Она боялась, ей было страшно из-за неизвестности, и она не могла никому об этом сказать. Вдруг её посчитают слабачкой? Но она не хочет казаться слабой.

Ожидание тянулось невыносимо долго, ей даже показалось, что уже начало светать, что притихшая территория монастыря наполнилась голосами проснувшихся обитателей. Может, это были те, кто имеет способности к оборотничеству? Они пошли гулять, разминать свои косточки. Наверное, это очень интересно, быть оборотнем. Страшно и интересно. Но вот в данную минуту страшно. Что с ней будет, если её в столь ранний час обнаружат около комнаты обитателя? Если учуют запах кофе в столовой? Но ведь не отпустить-то её не могут. Или могут?

У неё сильно болели ноги из-за постоянного похода по горам, особенно последнего, когда она в час ночи пришла в комнату. Хорошо, что темнеет здесь поздно, но в сумерках, которые слишком быстро сгущаются, а никакой альтернативы нет, идти очень тяжело. И фонарик в телефоне не сильно-то помогает. В темноте, в неизвестных местах, лучше не пользоваться никакими фонариками. Ноги болели ужасно, скорее всего где-то была даже мозоль.

Так что когда она подошла к двери, состояние её было очень ужасным, да ещё и страхи завладели её сознанием, поэтому она не обратила внимания на одежду мужчины, только лишь уловила немного раздражённые нотки в голосе. И, только войдя в комнату и прислонившись к закрытой двери, она позволила себе отбросить хоть какие-то страхи. Что ж, по крайней мере, её никто не видел больше. Теперь надо придумать, что говорить, чтобы было убедительно, коротко и ясно. С этим были проблемы.

- Мистер Мотидзуки, мне приёмная комиссия в институте написала, что завтра крайний срок сдачи экзамена для поступления, и надо туда принести свои работы, - голос сильно дрожал, в горле чувствовался какой-то комок, мешающий говорить. - Мне нужно нарисовать... написать портрет человека, там портрет нужен. Я... у меня самолёт сегодня в одиннадцать утра. А прислали они письмо вчера... простите... - она сглотнула, почувствовала, что на глаза наворачиваются слёзы. пальцы стали холодные, а сердце быстрее забилося в груди... - Я... я принесла вам кофе... не прогоняйте меня... - выдавила она из себя, уже готовая, что он вышвырнет её из комнаты за такую наглость. Что же, это всего лишь её проблемы, что она прочитала письмо не три дня назад, а только вчера...

Тору Мотидзуки

- Да никто тебя не прогоняет, - усталым голосом произнес Тору, зажигая один из

светильников. — Если тебя не напрягает находиться в такое время в комнате полуголого мужчины, то мне уж точно все равно.

Он понял, что поспать сегодня ему больше не удастся и попытался смириться с суровой реальностью. Как обычно, из словесного потока Ярецы японец не разобрал и половины, хотя его китайский объективно был хорош. Но, как ему показалось, суть проблемы он все же уловил — девушка уезжала уже сегодня и ей до отъезда требовалось нарисовать портрет.

- Садись, - Тору указал на одну из циновок у столика, забирая стаканчик с кофе из рук Ярецы. Он сомневался, что бодрящий ароматный напиток сможет быстро вернуть его в нормальное человеческое состояние и подарит способность мыслить ясно, но это явно было лучше, чем ничего. Тем более, кофе являлся знаком проявленной по отношению к нему заботы, что немного уменьшало раздражение, вызванное ранним пробуждением.

Несмотря на скептическое отношение, уже первый глоток оказал благотворное действие, разложив в голове мужчины по полочкам то, что изначально было там свалено грудами хлама.

- Подожди, - Тору на несколько секунд замер, сраженный неожиданной мыслью. — Так ты хочешь нарисовать мой портрет?

Подобная просьба со стороны девушки показалась Мотидзуки настолько нелепой, что он долго не мог поверить в реальность происходящего. Но нет, Ярецы действительно находилась в его комнате и явно не шутила, говоря о возникших у нее проблемах. А еще она уезжала... Уезжала уже сегодня, а значит это ее вторжение было последней встречей перед длительной разлукой. И осознание этого почему-то вызывало какое-то странное тягостное чувство, природу которого Тору так до конца и не понимал.

Ярецы Фернандез

Вдох-выдох. Не получается. Выдох застрял где-то в легких, зато вдох получился каким-то двойным. Она сглотнула и тыльной стороной ладони стерла слёзы, очень надеясь, что он этого не заметит. Как раз он вроде в этот момент отвернулся, чтобы включить свет. Причудливые тени от огня заплясали на стенах этой комнаты, и девушка снова попыталась самым простым упражнением привести дыхалку в норму. Колотящееся сердце не позволяло ни о чем думать, даже о дыхании, не говоря уже о том, чтобы рисовать. Голова закружилась. В общем, было не очень хорошо, чтобы просто стоять, подпирая стену, не говоря уже о том, чтобы что-то рисовать. Нервы были натянуты подобно струне гитары, и, казалось, что еще немного, и они порвутся. Что тогда будет? В любом случае этого допускать не стоит.

Он указал ей на место, и она опустилась на циновку. Сложила ноги по-турецки и положила на них папку с листами. Посмотрев на его торс при свете бумажного фонарика, она смущенно опустила глаза и почувствовала, как краснеет. Полуголые мужчины для неё были пока под запретом, ей казалось, что это слишком лично, интимно, неприятно, когда на тебя, полуголого, смотрят посторонние. И хоть мужчинам вполне себе нормально обнажать верхнюю часть тела, девушка

старалась не находиться рядом с такими людьми. Пляж и бассейн в это не входили.

- Да... - тихо прошептала она, глядя на него, - я не знаю, к кому ещё обратиться... а по памяти... - Голос все ещё дрожал, и противная нервная дрожь наблюдалась ещё в руках. Она взяла карандаш в руку и посмотрела, как он трясётся. Сглотнула и зажмурилась, пытаясь подавить стон и слёзы, рвущиеся наружу. Страх, что она не сможет себя взять в руки и успокоиться, липкой волной обволокнул её душу, принося самые страшные мысли вроде тех, что он рассердится, её прогонит, да ещё и заставит что-то драть. Или вообще четвертует своей катаной. Потому что она, психованная истеричка, вторглась в его комнату и разбудила в такую рань...

- Извините, я постараюсь сейчас успокоиться, - она сильно сжала руку в кулак, ногти впились в кожу, причиняя неприятное жжение, - я просто несколько дней не спала и почти ничего не ела... неужели неизвестность так всех пугает, или со мной что-то не так?

Тору Мотидзуки

Путаный ответ Ярецы и ее нервная дрожь на время отвлекли Тору от непрошенных мыслей и чувств и заставили сконцентрироваться на текущей проблеме. Первым делом он решил не смущать девушку и все же что-то надеть. Как назло футболку, в которой ходил вечером, он умудрился куда-то задевать, так что ему пришлось потратить некоторое время, чтобы найти ей замену и облачить себя во что-то подходящее для встречи гостей.

- Хватит трястись так, словно попала на обед к людоедам. — Одетым Тору чувствовал себя увереннее, поскольку не боялся вызвать у девушки приступ смущения и мог рассчитывать, на то, что она больше не будет каждый раз пытаться отвести от него глаза. — Сколько раз тебе говорить, что я никого не ем и не расчленяю за поступки, которые могут мне не понравиться?

Первым порывом японца было немедленно отправить жалующуюся на голод и недосып девушку в столовую, но, судя по ее состоянию, что-то подобное могло заставить Ярецы разнервничаться еще сильнее, как и, похоже, практически любое его слово или действие.

- Хорошо, я в твоём полном распоряжении, так что успокаивайся и говори, что мне делать. — Тору уселся напротив Ярецы, но, при этом, постарался не смотреть на нее слишком пристально, чтобы снова не вызвать что-то напоминающее панику. Обычно он не слишком церемонился с другими людьми и их чувствами, но расстраивать юную ученицу, обратившуюся к нему за помощью, японцу совсем не хотелось. Тем более, сейчас она выглядела настолько беззащитной и хрупкой, что ее хотелось обнять и погладить по голове, а уж никак не выгонять из комнаты, ругать за некорректное поведение или отказывать пусть в весьма странной, но от этого не менее искренней просьбе.

Яреци Фернандез

Его голос был немного раздражённым, но, тем не менее, спокойным и настойчивым. Она сглотнула и, положив рядом с собой папку с карандашом, протёрла руками лицо. От этого действия не стало ни лучше, ни хуже, но потом, посмотрев на свои

руки, она увидела, что они перестали дрожать. Может быть это ей только показалось. Она бегло посмотрела на мужчину, пытающегося найти хоть какую-то футболку, и снова опустила глаза. Вытащила из папки несколько листов бумаги и вздохнула. Чёрт, она же никогда раньше не писала портрет с натуры, она вообще даже не знает, как это делается. Всякие там композиции, падение света, пропорции. А ведь для нормальных людей, поступающих без блата, вовремя, портрет человека с натуры входил в экзамен. Ну, то есть они сидели в комнате и рисовали обнажённого человека. Это она где-то видела, в каком-то фильме. Возможно, так и на самом деле делают.

И первое, что ей сейчас бросилось в глаза - отсутствие света. В комнатах, где проходит живопись (опять же по фильмам) всегда светло, в окна либо залетает лучик солнца, или же с потолка льётся свет множества ламп. Сейчас не было ни того, ни другого. И не будет. А без света можно не увидеть какие-то детали, кажущиеся незначительными, но за которые зацепится пытливый профессиональный глаз экзаменатора. Даже если экзаменатор не видел в живую изображённого на портрете человека. Так она думала, но, скорее всего, это было сомнительно.

Она снова вдохнула-выдохнула, на этот раз удалось, и, слегка прищуренно посмотрела на мужчину. Потом осмотрела комнату, легко встала на ноги, подошла к стене, снова вернулась обратно. Попросила его пересесть, потом переставила фонарик, и, глубоко вздохнув и протерев вспотевшие руки о свои джинсы, принялась рисовать, понимая, что ничего не мыслит в пропорциях.

- От вас сейчас самое главное не шевелиться, - тихо, но уже более уверенно сказала она, почувствовав, что голос хоть и дрожит, но не так сильно.

Тору Мотидзуки

Это была крайне странная ситуация. Тору уже давно никому не позволял говорить себе, что и когда ему делать и уж точно не мог представить себе ситуацию, в которой он, при таком, раскладе начал бы слушаться. А тут взрослый мужчина следовал всему, что ему говорила молоденькая девушка так, словно она была наставником, а он учеником. Сказали пересесть – пересел, сказали не двигаться – не двигался. И, самое странное, подобное положение вещей японца сильно не напрягало. И даже наоборот, вызывало неподдельный интерес к тому, куда все это происходящее действо могло привести.

- А спать мне можно? - не удержавшись, спросил Мотидзуки. – Потом объяснишь приемной комиссии, как закрытыми глазами хотела выразить скрываемые эмоции и погружение изображенного человека в свой внутренний мир. Ну или что-нибудь еще философско-лирическое, что должны любить творческие люди.

Несмотря на провокационный вопрос, спать Тору не собирался. Ему нравилось наблюдать за тем, как работает Ярецы. Нравилось следить за малейшими изменениями выражения ее лица, когда ей удавалось что-то лучше, а что-то хуже. Нравилось смотреть на движения руки, держащий карандаш и слышать его тихое шуршание по бумаге. Нравилось концентрироваться на всяких мелочах и не думать, что сидящую перед ним девушку, каким-то неожиданным образом затесавшуюся в

его мысли, он видит, возможно, в последний раз...

Яреци Фернандез

- Потом, - буркнула девушка, полностью поглощенная в своем занятии. С овалом лица проблем почти не возникло, разве что никак не рисовалась ямочка на его подбородке. Но, справившись с этой непосильной, на первый взгляд, задачей, Яреци снова подняла на него глаза, чтобы подсмотреть еще какие черты лица. - Я не видела еще ни одной картины, где человек изображен с закрытыми глазами или спящим. Разве что там был мертвец. Но вы на мертвеца не похожи, мистер Мотидзуки.

Сказав это, она вернулась к рисованию портрета. Теперь сложность была с глазами, она не знала, как их правильно рисовать, не говоря уже о закрытых глазах. Слова, которые вылетели на автомате, даже не впечатались в память, и она спокойно продолжила рисовать. Ведь известно, что когда чем-то увлеченно занимаешься, то мир просто перестает существовать. Она даже не знала, что было бы с ней, если бы это было сказано не на автомате. Наверное, она бы вылетела из комнаты. Ну или разревелась, хотя при нем это вряд ли бы произошло.

Глаза. Этот пристальный взгляд будоражил ее сознание, заставляя понимать, что все, обратного пути нет. Если она хочет поступить в институт, заниматься этим делом, то ей придется выдерживать взгляды разных людей. Пристальные, отсутствующие, пытливые. Веселые и грустные. И ей придется всегда держать ментальный щит, чтобы не позволять никому проникать в ее сознание. И стараться не смущаться, краснеть или стараться прервать зрительный контакт. Если это произойдет, то портрет получится не таким. Он будет просто рисунком. Таким же, как и портрет ее одноклассника.

Наконец, первая часть была закончена, и она, протерев лицо руками и зевнув, посмотрела на мужчину и его изображение на листе бумаги. Рисунок, конечно, был далек от совершенства, но она была уверена, что приемной комиссии он понравится, и ее примут в институт. До отъезда было еще много времени, до Лхасы ехать от силы час, и в аэропорту надо быть за два часа до вылета. У нее был целый час, столь короткое время, чтобы побыть наедине с мастером восточных боевых искусств. Это ли не прекрасно? Быть с ним наедине, зная, что им никто не помешает.

Она мотнула головой, чтобы избавиться от своих мыслей, которые вырисовывались в картины немного романтического, если не сказать эротического, содержания. Почувствовала, как краснеет, и снова принялась за портрет. Надо наложить тени, создать объем. Хотя это-то можно сделать в самолете. Но нет, лучше сейчас.

- А у вас есть мечта? - тихо спросила она.

Тору Мотидзуки

Запрет на сон во время рисования его портрета Тору весьма позабавил, поскольку если бы он решил немного пообщаться с Морфеем, никакие слова или действия девушки не могли бы этому помешать. А она, видимо, столь увлеклась процессом работы, что совсем забыла о своем обычном поведении, выражающемся в

бесконечных извинениях чуть ли не за каждое неосторожно произнесенное слово. Но такая новая Ярецы вызывала у Мотидзуки даже больший интерес, чем предыдущая, поскольку уже не походила на испуганного ребенка и воспринималась уже чуть ли не как взрослая женщина.

- Мечта? — неожиданный вопрос отвлек Тору от разглядывания молоденькой художницы и подозрительно смущенного выражения, неожиданно возникшего на ее лице. Он не часто позволял себе думать на эту тему, стараясь заменить мечты конкретными целями. Но, спасибо бабушке и старому соседу, в детстве забившими его голову всякими романтическими представлениями о роли мужчины, стремление все рационализировать временами уходило прочь, позволяя вырваться на волю лирической стороне его натуры. И уж та никогда не стеснялась, создавая не просто отдельные мечты, а целые фантазийные строения.

- Пара-тройка найдется. — Многие его мечты уже успели разлететься в пыль, но на их место всегда приходили новые. Желание многого добиться в профессиональной деятельности сменилось на поиск душевного покоя, а стремление к созданию идеальных отношений — на радость от обычного человеческого тепла. Похоже, с каждым прожитым годом его мечты становились все проще и мельче.

- А о чем мечтаешь ты? — так ничего толком и не раскрыв о себе, Тору решил отплатить любопытной девушке той же монетой. — Стать художницей? Удачно выйти замуж? Или что-то более глобальное, поскольку с первым и вторым у тебя явно не будет проблем?

Вопрос о замужестве напомнил Тору о тайной влюбленности девушки в одного из местных жителей о которой он уже успел благополучно забыть. И почему-то, в отличие от дня, когда Ярецы делилась с ним своими переживаниями, мысль об этом вызвала легкое раздражение. Как бы так ни было, за реальной помощью она обратилась к нему, а не к объекту своего интереса, что весьма польстило японцу и заставило его усерднее изображать из себя недоделанного натурщика.

Ярецы Фернандез

Портрет постепенно подходил к концу, что её весьма сильно огорчало. Потому что она его закончит и, по логике событий, должна будет уйти из комнаты мастера, поблагодарив его за это, и поехать в аэропорт. И больше таких разговоров скорее всего больше никогда не будет. Это плохо, но, к сожалению, это и есть жизнь. Может быть, он был прав, когда недавно сказал, что её там ждёт интересная и насыщенная жизнь, которая, возможно, не даст вспоминать всех людей, с которыми она познакомилась здесь. Прощаться всегда тяжело, особенно когда знаешь, что вряд ли увидишься с человеком когда-нибудь ещё. Всё эта дурацкая привязанность, если бы люди не привязывались, жилось бы легче. Намного. И не было бы болей где-то в груди, таких тупых и неприятных, мешающих спокойно жить. Жизнь была бы скучна и однообразна.

Она пальцем растёрла последние штрихи, создав тень, потом снова посмотрела на мужчину и улыбнулась, сравнив с ним то, что было нарисовано. Да, портрет получился хорошим, разве что тени немного неправильно легли, но это не должно быть преградой для поступления. Всё-таки вряд ли все поступающие умеют

правильно делать тени. Портрет ей казался объемным, красивым. Интересно, а ему он понравится? Если понравится, то она будет счастлива. И тогда ей не будет так страшно лететь в этом самолёте, переживать по поводу экзамена и не нервничать на собеседовании.

- Я хочу, чтобы все были счастливы, - произнесла она после долгого молчания, - чтобы в мире не было войн. Смерть нам, конечно, не победить, но так хочется, чтобы молодые не умирали... А если более простые мечты, то, наверное, чтобы... - "чтобы вы ответили мне взаимностью", - каждый нашёл свою цель в жизни...

Глупо, по-детски, но она всегда мечтала, чтобы когда-то наступил мир во всём мире, чтобы не было войн, терактов, кровопролитных драк. Она знала, что этому никогда не случиться, и каждый раз, когда случайно слышала/смотрела/читала какие-нибудь жуткие новости, ей становилось грустно. Многие говорили, чтобы она не смотрела телевизор, не читала новости, но разве это правильно? И вообще что должно быть правильно? Здесь, конечно, было проще, здесь было тихо и спокойно, безопасно. Но это только одно место, и люди в большей своей части никогда не смогут отказаться от всех благ цивилизации.

- Ну вот, всё готово. Спасибо вам, мистер Мотидзуки, что помогли мне, - щёки налились краской смущения, когда она протянула ему рисунок. Сердце замерло, снова стало страшно. А вдруг ему не понравится? А вдруг он тоже возьмёт да порвёт рисунок? Ох, как же всё страшно и плохо. Может лучше не молчать, говорить... всякую чушь нести... - Я... могу я вас попросить об одолжении? Я хочу оставить книгу, томик Пушкина. Считается ведь, что если что-то оставил, то обязательно вернёшься. Не могли бы вы сохранить его у себя, может почитаете, это русский классик, хорошие стихи писал. Если я не вернусь, то пусть это будет мой подарок...

Как там... линчевать, четвертовать, вырвать язык, чтобы она не несла всякую чушь. Хорошо хоть, что не призналась в любви ему, это был бы вообще тогда финиш полный...

Тору Мотидзуки

Мечты Ярецы оказались столь же светлыми и наивными, как и она сама. Мир, дружба, всеобщее счастье – Тору хотел бы верить во что-то подобное, но не мог. За свою не слишком длинную жизнь он успел повидать немало неприятных вещей, которые говорили о невозможности наступления мира и гармонии, но он не хотел разубеждать девушку и, тем самым, лишать ее возможности смотреть на окружающую действительность сердцем, а не глазами.

- Ты там много желаешь для других и ничего для себя? Это как-то неправильно. Полагаю, у тебя все же есть и более личные мечты, которые ты не хочешь озвучивать, поэтому спрашивать про них не буду.

Через какое-то время рисунок был готов и Ярецы, безумно смущаясь, протянула его своей недавней модели. Тору аккуратно принял лист бумаги с собственным изображением и несколько минут неотрывно на него смотрел, не говоря ни слова и лишь по истечении некоторого времени смог что-то прокомментировать.

- Боюсь, ты мне польстила. И твой портрет намного лучше оригинала. – Своими словами Тору не пытался порадовать юную художницу. Он, как обычно, говорил искренне. Человек с рисунка был очень похож на него самого, но, при этом, сильно отличался от того, каким японец привык сам себя считать. Он казался мягче, лиричнее и даже чувственнее. *Интересно, он действительно сидел сейчас именно с таким лицом? И если да, то с чего бы?*

Просьба девушки вновь напомнила Мотидзуки, что постепенно подходило время прощания. Причем, при определенном раскладе, это прощание могло стать окончательным.

- Оставляй и... возвращайся сюда. – Учитывая контекст, слово «сюда» прозвучало многозначительно, и, что самое интересное, Тору и сам точно не понимал, что под ним подразумевал: монастырь или свою комнату.

- У тебя еще есть время? - японцу как-то не хотелось заканчивать все вот так, просто передачей рисунка его хозяйке, как и просто отпустить ее, сказав слишком много и слишком мало одновременно.

Яреци Фернандез

- Я уверена, что буду счастлива, когда все... пускай просто мои знакомые будут счастливы, - ответила она, в очередной раз понимая, что это всего лишь детские мечты. И да, им никогда не суждено сбыться. Наверное.

Мужчина рассматривал рисунок, и где-то в глубине ее души стал расти какой-то непонятный страх, что он скажет, что это ужас, и вообще у нее нет таланта. Она была застенчива до безобразия, и всегда боялась сделать что-то не так. Возможно, вся бы ее жизнь сложилась бы иначе, если бы в первую встречу она бы не задала этот тупой вопрос, не испугалась бы его взгляда. И дальше по списку. Если бы она не влюбилась в него, то сейчас спокойно бы сидела в аэропорту в ожидании посадки на рейс. Или вообще не стала бы никуда поступать. Жила бы себе спокойно, постигала бы магию. Обзавелась бы друзьями.

Но нет, видно злодейка Судьба распорядилась ее жизнью иначе. Влюбленность прошла, осталось лишь что-то напоминающее привязанность. А может что-то другое. Ей было хорошо с ним, ей нравился его голос, иногда холодный, пугающий, а периодически спокойный и нежный. Не хотелось расставаться.

Он ей вернул рисунок, и она бережно убрала его в папку. Ему понравился рисунок, и это было просто замечательно. Хотелось его обнять и прижаться к нему...

- Это вы мне льстите, мистер Мотидзуки, - вздохнула она. - Да, у меня есть еще немного времени, а потом мне надо будет отправляться в путь, - она поморщилась, вспомнив, как каких-то шесть часов назад шла по дороге в сторону монастыря, спотыкалась о камни, даже где-то набила себе мозоль. И обратно идти не хотелось. Одной. Но ведь он не согласится ее проводить до аэропорта. А если предложит? Что делать? Отказаться или согласиться? Что лучше - сейчас уйти или расстаться с ним в аэропорту? Ведь тогда же можно его обнять и поцеловать. В щеку, куда ж еще...

Тору Мотидзуки

- Я вообще не склонен кому-то льстить. – Тору полагал, что его прямолинейность была хорошо известна всем, с кем он так или иначе общался. – Человек с рисунка объективно выглядит более приятным, чем я сам.

То, что у Ярецы оставалось еще немного свободного времени, японца весьма порадовало. И он предпочел бы провести его там же, где они сейчас и находились – в его комнате, но волнение за общее состояние девушки заставило Мотидзуки заняться еще одной насущной проблемой.

- Ты говорила, что устала и проголодалась. И если отдыхать здесь ты можешь, сколько пожелаешь, то еды, к сожалению, у меня нет. Но я могу сходить в столовую или попробовать ограбить амбар.

Мысль о том, что девушка уже бродила по горам одна в не самое светлое время суток и планировала в ближайшее время сделать это снова, вызвала у мужчины чувства злости и тревоги одновременно. Тору злился на ее наивность, беспечность и веру в то, что с ней ничего страшного не случится. И тревожился, что при таком отношении Ярецы может нажить себе проблемы там, куда она отправлялась, а у него не будет возможности за ней присмотреть. И, конечно же, он не мог позволить юной ученице одной добираться до деревни, а потом и до Лхасы. Он действительно за нее волновался и, кроме этого, неосознанно хотел оттянуть момент их окончательного прощания настолько, насколько это было возможно.

- Кстати, если ты думаешь, что я отпущу тебя одну – то сильно ошибаешься. – Голос Тору показывал, что у Ярецы нет возможности отказаться от его предложения составить ей компанию. – Ты уже и так сегодня нарушила столько правил, что хватит на пару месяцев постоянных дежурств. Так что дальше будешь нарушать только под моим присмотром.

Ярецы Фернандез

- Вам просто так кажется, - сказала девушка, глядя на него, потом быстро опустила глаза, - ну, это взгляд художника всего лишь.

Она вздрогнула и прикусила губу, в очередной раз залившись краской смущения. Благо, в этот раз румянец не был так сильно замечен, так как она и без того была красная. Все эти переживания, жизнь в интенсивном режиме, когда нет желания поесть, хоть возможность и есть, давались ей с трудом. Она боялась, что просто не справится с нагрузкой, ведь она не обладала никакими выдающимися талантами. Она не была сильной в эмоциональном и моральном планах. Она всегда боялась. Это было неправильно, она это понимала, но ничего не могла с собой поделать. Может быть именно поэтому она привязалась к этому мужчине? Ей хотелось, чтобы рядом с ней был кто-то сильный, чтобы смог ее защитить.

Желудок свело судорогой, когда мужчина сказал про то, что ей нужно что-то поесть, а потом громко возвестил о том, что вот-вот начнет переваривать сам себя. Она посмотрела на часы. Скоро должен быть подъем. Хотя, наверное, в столовой что-то же осталось. Там же всегда что-то остается.

А еще он сказал, что проводит ее до Лхасы. Это было просто замечательно, ведь там она сможет тогда его поцеловать. В щеку, разумеется. И не будет чувствовать себя нарушительницей морально-этических правил. Просто дружеский жест, ничего более. Разумеется, она этого делать не будет. Но мечтать-то можно. Главное не слишком громко мечтать .

- Спасибо вам, мистер Мотидзуки. Мне уже немного легче, неизвестность меня уже не так сильно пугает. Я буду вам благодарна, если вы меня проводите... - ответила она через некоторое время молчания. И с легкостью вскочила на ноги. - Я бы чего-нибудь перекусила. Не думаю, что грабить амбар - это хорошая идея. Хотите я вам яичницу сделаю?

Тору Мотидзуки

- Да ладно, ничего особенного я пока не сделал. Рад, что тебе стало легче. – Тору внимательно посмотрел на девушку. Ярецы больше не тряслась и, судя по активности, с которой она сорвалась с места, оставшейся энергии ей могло хватить еще на несколько переходов по горам. Ее желание, несмотря на собственные нужды, облагодетельствовать всех вокруг, включая него самого, заставило японца только скептически покачать головой.

- Ярецы - ты самая необычная девушка из тех, что я встречал. Нет, ну ты только себя послушай. Говоришь, что голодна и при этом предлагаешь сделать мне яичницу. Я, конечно, тебе благодарен, но, полагаю, тебе стоит больше думать о своих потребностях, а не о моих. – Голос Тору звучал мягко. Он не отчитывал девушку. Скорее, японец таким образом выражал свое волнение за слишком чистое и невинное существо, каким Ярецы себя показывала, боясь, что ее излишней добротой люди, в определенный момент, начнут беззастенчиво пользоваться.

- Раз уж мы выходим и сюда больше не вернемся, я переоденусь и возьму то, что может пригодиться в дороге. Подожди пару минут.

По мнению Тору, в дороге до Лхасы и обратно ему могли пригодиться только деньги и, возможно, документы, так что с этой частью он справился быстро. Как и с поиском подходящей для путешествия одежды. Понимая, что переодеваться на глазах у Ярецы неприлично, но, при этом, не желая выгонять девушку за дверь, Мотидзуки принял самое простое решение – зашел за ширму. Конечно, при наличии интереса к процессу переодевания, юная ученица при имеющемся освещении могла прекрасно следить за его тенью. Но, во-первых, догола он раздеваться не собирался, а, во-вторых, не сомневался, что девушка начнет смущаться и не станет за ним наблюдать, так что сильно по этому поводу не переживал.

Ярецы Фернандез

Она виновато опустила глаза и стала рассматривать свои потрепанные кроссовки. Мама придёт в ужас, когда увидит ее одежду. Снова они поссорятся из-за несоответствия в жизненных принципах, папа молча покачает головой, как бы соглашаясь с мамой или поддерживая любимую дочку. Все разойдутся по своим комнатам, а утром никто не вспомнит об этом. Так было всегда, и девушка уже не особо сильно переживала.

- И все-таки я настаиваю, мистер Мотидзуки, - и откуда только у этого робкого создания появилось столько смелости? Может быть это было вызвано тем, что она уезжала, и не было доподлинно известно, когда она вернется и вернется ли вообще. Она не знала, радоваться ей или нет, но была благодарна судьбе за этот жизненный опыт. Прощаться всегда тяжело, даже страшно, в некоторых случаях, и это был как раз-таки ее случай. Снова страх, какой-то непонятный, завладел ее сознанием, заставив пальцы рук похолодеть. Она мотнула головой, попытавшись избавиться от этого липкого страха, но это было бесполезно.

Мужчина переодевался, и у девушки в мыслях не было даже поднять голову, не говоря уже о том, чтобы подсмотреть. Ей это было неинтересно, да и зачем? Больше всего её сейчас волновала причина новой волны страха. Что-то случится? Здесь, в горах? Где-то еще? Почему ей вновь стало страшно, когда вроде бы все встало на свои места? Она ведь последние несколько минут чувствовала себя с ним более уверенно. Близость скорой разлуки снова заставила похолодеть ее пальцы? Или что-то другое?

И сейчас ей снова стало казаться, что она не то, чтобы не сможет съесть яичницу, но и даже выпить чаю. Желание организма подкрепиться вызывало отвращение. Но она понимала, что нельзя больше показывать ему свой страх, свою неуверенность. А то он действительно посчитает ее психованой истеричкой. Она вздохнула.

Тору Мотидзуки

Как и обещал, Тору не стал тратить на процесс переодевания больше пары минут. К тому моменту, как он вышел из-за ширмы, девушка, вероятно, успела изучить каждый сантиметр своих кроссовок, поскольку, судя по всему, так и простояла в одной позе то время, пока он менял одежду.

- Пойдем. - Тору уже было собирался погасить светильник и выйти за порог, но что-то в лице девушки заставило его притормозить и внимательнее взглянуться в черты, измененные не слишком успешно скрываемой тревогой. – С тобой все в порядке?

Посчитав, что Ярецы снова вспомнила о предстоящих трудностях, связанных с поступлением, Тору столкнулся с практически не решаемой для него задачей – как-то ее успокоить и подбодрить. Он никогда не считал себя знатоком человеческих душ, особенно, если речь шла о душах женских, а потому в подобных ситуациях обычно начинал теряться и просто стоять столбом. Но сейчас японец чувствовал необходимость сделать что-то, способное хоть как-то помочь молодой ученице справиться со своими внутренними демонами.

- Не переживай, все будет хорошо. – Подчиняясь неожиданному порыву, Тору поднял руку и нежно коснулся головы Ярецы, ощущая кончиками пальцев мягкость ее красивых темных волос. – Сейчас перекусишь, и жизнь будет видаться совсем в других красках.

Губы мужчины тронула легкая улыбка – редкая гостья на его обычно не самом приветливом лице. Руку убирать совсем не хотелось. Скорее наоборот, пальцы стремились глубже зарыться в густые шелковистые волосы, и Тору стоило немалых

трудов, чтобы их остановить и не шокировать и без того взволнованную девушку.

Яреци Фернандез

К этому липкому противному страху прибавился холод. Он обволакивал её сознание, окутывал каждую клеточку её тела, заставляя дрожать. Дрожь была слабая, её можно было спокойно принять за дрожь от холода. Это было на руку девушке, так как всё-таки на улице был не май месяц, а ночи в горах в любое время года холодные. Даже пар изо рта идёт. Вот когда она поднималась в монастырь и освящала какую-то часть пути фонариком, у неё пар шёл. Дальше она не видела. В темноте как-то не до пара изо рта. Она старалась подавить в себе эту дрожь, но ей это не удавалось. Что-то определённо должно случиться, но вот что именно?

В какой-то момент ей захотелось бросить всё, вернуться в свою комнату, лечь спать, завернувшись в одеяло. И жить дальше так, как она жила последнее время после прибытия в этот монастырь. Попытаться общаться с людьми, нормально, без всяких страхов сказать что-то глупое и неправильное. В общем, сделать всё возможное, чтобы избавиться от этой дрожи в теле, от страха приближающейся неизвестности. От паники.

А тут ещё и прикосновение мужчины к её голове. В первое мгновение она хотела отстраниться от него как, скажем, чёрт от ладана, но всё равно осталась стоять на месте. Заглянула в его глаза, такие нежные и добрые, увидела его слабую улыбку, которую, кажется, ещё ни разу не видела на его лице. Хотелось прижаться к нему в ответ, всё рассказать, а ещё с языка в очередной раз чуть не слетели слова о симпатии. Жаль, что не взаимной. И прекрасно, что они не слетели. Но жаль, что никакие слова не слетели. Наверное, надо было что-то сказать. Девушка зажмурилась и сглотнула. Вдохнула и выдохнула. Нужно собраться, со своими страхами она разберётся в самолёте. Может быть там будет проще?

- Я постараюсь, - тихо ответила она, вздохнув.

Тору Мотидзуки

- Вот и молодец, - Тору нехотя убрал руку и вернулся к своему первоначальному плану – погасить свет. – Теперь можем идти, а то времени у нас остается все меньше и меньше, а нам еще нужно успеть накормить тебя, ну и, по совместительству, меня. Кстати, в твоих начинаниях я могу оказать тебе посильную помощь. Все-таки уже давно один живу, так что научился вполне прилично готовить.

Тору не испытывал дискомфорта от необходимости самому разбираться со своими насущными потребностями. Он привык рассчитывать только на себя и подобное положение вещей его вполне устраивало. По крайней мере, именно в этом Мотидзуки себя обычно убеждал, когда ему в голову приходили мысли о том, что его образ жизни может быть не так уж и хорош.

Дорога до столовой проходила в молчании. Воздух, учитывая ранний час, был более чем прохладным, так что Тору время от времени кидал на свою спутницу обеспокоенные взгляды, проверяя, не замерзла ли она, и все ли у нее нормально. Да, если бы его рыжеволосая подруга узнала о столь внимательном отношении с его стороны к человеческому существу, то, наверняка, забросала бы

всевозможными шутками и подколами. Ведь ей самой пришлось приложить немало усилий, прежде чем он перестал над ней откровенно издеваться и начал ценить возможности, предоставляемые их своеобразной дружбой.

Яреци Фернандез

Путь до столовой проходил в полном молчании. Девушка старалась не смотреть на мужчину и держаться чуть поодаль от него. Когда они выходили из его комнаты, ей показалось, что за ними кто-то наблюдает. Не так, чтобы подсматривал, а просто случайно увидел. Это напрягало, ведь из-за нее у мужчины могут возникнуть проблемы. Черт, зачем же она вообще пошла в его комнату. Зачем вообще вернулась в монастырь?

На территории было тихо, девушке показалось, что даже слишком тихо. Как будто затишье перед бурей. Бурей в данном месте, по мнению девушки, была толпа обитателей, которые вот-вот должны проснуться, будут ходить, дежурить, тренироваться, просто жить. Здесь ей нравилось, здесь было хорошо и спокойно. Наверное, действительно сюда приходят люди, которые хотят достичь душевного спокойствия.

Они вошли в столовую, и девушка решила, что все-таки надо что-то сделать. Она любила готовить, надеялась, что умеет это хорошо, и поэтому, найдя все ингредиенты, стала готовить. По крайней мере, когда она была занята делом, то не думала о том, что несет всякую чушь. Вскоре простая яичница была готова, она разложила ее по тарелкам и поставила одну перед мужчиной.

- Приятного аппетита, - улыбнулась она. - А что ещё едят в Японии кроме суши, роллов и прочих рыбных блюд? - спросила она.

Наверное, он сейчас разрушит стереотипы, и окажется, что они суши и роллы не едят, и все это происки иностранцев.

Тору Мотидзуки

Это была очень необычная ситуация, ощутимо выбивающаяся из того, что предлагали однообразные будни. Готовить его так и не пустили, оставив следить за чужими действиями. Хотя Тору честно признался себе в том, что подобное зрелище весьма радовало глаз. Он давно не видел процесса готовки, который бы выглядел столь по-домашнему и создавал давно забытое ощущение тепла и уюта. И, следя за Ярецы, Мотидзуки испытал чувство благодарности за то, что она, хоть и на короткое время, подарила ему возможность погрузиться в атмосферу, ассоциирующуюся у него с семьей и семейным досугом.

- Спасибо, - Тору поблагодарил девушку за труды и приступил к раннему завтраку. Вкус простой яичницы показался ему самым приятным из того, что он мог возжелать в качестве основного блюда. Ну а на закуску предлагалась милая беседа об особенностях японской национальной кухни. Услышав о стандартном представлении европейца о том, что едят в Японии, мужчина с трудом подавил в себе желание театральнo закатыть глаза. Но поскольку с подобными вопросами он сталкивался уже не первый раз, у него уже был заготовлен набор занятных историй на эту тему, которым он вполне мог поделиться с Ярецы.

- Я боюсь это очень длинная тема для текущего разговора, но она вполне подойдет для того, чтобы скрасить дорогу до деревни. Сейчас, когда доедим, нужно будет все за собой убрать, проверить, все ли необходимые вещи взяты и оправляться в дорогу. Путь до Лхасы неблизкий и, кроме того, нам ни в коем случае нельзя опаздывать на автобус.

Тору первым покончил с яичницей и поднялся. Озвученный им незадолго до этого план действий был прост и понятен, и хоть японцу не слишком хотелось разрушать сложившуюся атмосферу и приступать к его выполнению, неумолимое время вводило свои коррективы. Впереди их ждала дорога до Лхасы, и они уже практически были готовы сделать по ней первые шаги.
